



Вальдемар ВЕБЕР

ПРОДЕРЖАТЬСЯ
ДО КОНЦА НОЯБРЯ

Стихи разных лет

Москва
«Русский Гулливер»
2014

УДК 821.161.1—1
ББК 82(2Рос=Рус)6—5
В44

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта Вадим Месяц
Главный редактор серии Андрей Тавров

I

ТАМ В ГЛУБИНЕ РОССИИ

Вебер Вальдемар

В44 Продержаться до конца ноября. Стихи разных лет. — М.: Русский Гулливер; Центр современной литературы, 2014. — 144 с. — (Поэтическая серия «Русского Гулливера»).

В этой книге собраны лирические произведения автора, написанные в основном в последние пятнадцать лет, но также и многие стихотворения предыдущих десятилетий, ранее неопубликованные или опубликованные в малоизвестных изданиях. Под всеми стихотворениями стоят даты, автор рассматривает их как составную часть художественного текста.

УДК 821.161.1—1
ББК 82(2Рос=Рус)6—5

© В. Вебер, 2014
© Русский Гулливер, 2014
© Центр современной литературы, 2014
ISBN 978-5-91627-136-2

* * *

Там, в глубине России,
мы не ждали известий.
Прикладывали ухо
к рельсам железной дороги,
к стенам разрушенных монастырей
и слушали, слушали...

2001

* * *

Старое фото в семейном альбоме.
В группе детей улыбаюсь вместе со всеми.
Никому, кроме меня,
не видны за улыбкой
та тревога, тот страх,
та жажда успеха...
За нею вся жизнь —
все, что было и будет.
Каждый из нас знает,
чего стоит его улыбка
на групповом портрете.

1986

Улицы детства

Все тот же пух тополиный
летает-витает на улицах детства...
И стрижи, и вороны, и старый забор,
бесконечно кривой и длинный,
и этот немислимо дальний простор —
все отдано мне в наследство.
Пробираться путем окольным
и не ведать, что это сон,
под разрушенной колокольни
малиновый звон-стон...
Вечно ддящийся миг,
породнивший
грезу бдения
с былью сна,
годы и дали скрепивший,
как ласточкина слюна.

1995

* * *

Помню в раннем детстве свою замороженность
быстрым движением весенних ручьев,
а по вечерам — их неподвижностью, когда, замерзая,
они останавливались, словно по чьему-то мановенью.
Соседка тетя Настя поясняла: тот, кому они повинуются,
тоже хочет кое-когда поспать.

2003

Изгнанники

И добрая крыша чужбины
не спасала от ливней
собственных слез.

2002

* * *

Мне восемь лет.
Я лежу в траве и смотрю в небо.
Густая крона с прогалинами
кажется сетью,
закинутой в голубое море,
где живут
все будущие прекрасные мгновения,
и выловить их
ещё предстоит.

1985

* * *

Лежа на просеке посреди земляники,
я, отрок, слушаю на закате кукушку,
считаю годы, загадываю судьбу.
И каждый раз кукушка говорит по-разному.
Уже не верю ее предсказаниям,
но впервые думаю о том,
как живется там,
где не будет
ни просеки, ни земляники.

2003

* * *

Карлу Любомирскому

Подорожник, волшебник,
мы прикладывали его, пыльный,
к первым ссадинам и ушибам...
Всю жизнь потом лечим раны свои
подорожником детства.

1997

Ледоход

Льдины рвутся вперед.
Рычат, расталкивают друг друга.
«Учись у них жить», —
говорит мне, пацану,
капитан спасательной службы.
Помню тишину, наступавшую
после ледохода.

2002

* * *

Школьные дневники с плохими отметками
я зарывал в снег,
не хотел огорчать родителей.
Но весной они оттаивали
и ручьи приносили их к порогу дома...
На страницы
со смазанными буквами и цифрами
отец смотрел грустно, задумчиво —
как на древние письма.

1993

* * *

О, оркестры моего детства!
Духовые, передовые,
марширующие, мобилизующие...
Всех заметнее трубачи,
краснорожие усачи,
работяги, не ловкачи,
все серьёзные, даже грозные...
Поиграют, поиграют,
а потом плюются, плюются,
слону выбивают из мундштуков.

1992

* * *

Свобода —
это классная руководительница,
уводившая нас вместо урока
в весенний парк,
это узловатые пальцы школьного сторожа,
отпиравшие нам ворота.

2001

* * *

Карты мест,
которых больше не существует,
у которых другие названия,
другие наречья,
и память о прошлом не дорога...
Каждое место — таинственный знак,
все таинственней с каждым часом...
Для кого?

1991

* * *

Всюду, куда ни пойдёшь,
слышишь скрип этих ржавых
незапертых старых ворот,
и всегда где-то рядом...
Ты их ищешь давно.
Ты их ищешь вечно.
Ты их хочешь еще найти...

1992

* * *

Черный ворон приехал,
шептались ночью мои родители,
когда забирали соседа...
Я лежал в темноте
и не мог понять,
почему приехал,
а не прилетел.
Наверное, это ворон,
разучившийся летать...
Нарушая запрет,
я пробирался к окну,
вставал на цыпочки,
глядел и глядел
в ночную воронью тьму.

1995

Военная подготовка

У нашего военрука не было правой руки.
Он почти не рассказывал нам о войне
и совсем ничего
о руке.
Вспоминал,
как пахнет земля и небо
в перерыве между боями,
о службе, о страхе,
о сибирячке-связистке,
и как однажды в окопе
ему захотелось ее пощупать
в самый разгар артобстрела.
Прямо так и сказал
нам, пацанам,
доверительно,
как мужчина мужчинам.

2008

* * *

Когда мы играли в войну,
мне приходилось мириться с тем,
что я вечный Гитлер.
Семе Грановскому
отводилась роль тыловика-снабженца,
в паузах он приносил из дома
блинчики с чесноком,
что так неподражаемо пекла его мать,
иначе Сему не принимали.
А нам так хотелось
брать Берлин и Потсдам!
Он был мой одноклассник,
но опытней и мудрей,
и уже знал,
что ради общего дела
нужно жертвовать личным.
И в конце ему позволялось
вместе со всеми кричать «ура».

2010

* * *

После войны
в нашем классе
у меня одного
был отец,
за что остальными,
случалось,
я был беспощадно бит.
До сих пор не забыл
вкуса крови во рту,
и кто бил и куда.
Ничего не забыл,
но знаю:
им куда тяжелей
помнить об этом.

2008

Отчий дом

Ни один дом не стал родным кровом. Даже тот, где вырос.
Побывал в нем через много лет, но не ощутил волшебства,
исходящего от стен, не почувствовал сокровенной связи,
о которой пишут другие. Об остальных пристанищах,
где жил, где любил, и говорить не стоит,
забывал о них, затворив за собою дверь.
А бабушка только и вспоминала,
как споткнулась о порог,
когда ее изгоняли.

2001

Кладбище немцев-колонистов

Разбитые камни надгробий
строительный мусор
стерлись надписи имена
заплутались ведущие к ним тропинки
могилы
похороненные
еще раз
звездами
ливнями
ветром

Судак, село Уютное, 1976

* * *

Шахтерский поселок.
Ни травы, ни деревьев.
Небеса из угольной пыли.
Зову призраки сородичей,
вольных стрелков,
загнанных в штольни и копи...
Лишь дядя Яков,
Орфей,
возвратился,
пусть безголосым,
зато не один,
с Эвридикой,
с Катей,
нормировщицей
второго проходческого участка.

Копейск, 1976

МОГИЛЫ ОТЦОВ

Целое поколение,
выросшее без могил предков.
Иное жизнеощущение.
Палящая отстраненность.
Всплески памяти
при взгляде на облака,
летающие к мёртвым.

1991

* * *

Перелетная птица, не нужная
ни одной из родин...
Сколько сил еще хватит
продержаться
не приземляясь...

2002

У трех дорог

Какое счастье,
что не мы выбираем.
А то бы казнились потом всю жизнь.
А так лишь тоска
по неизбранным тропам.

2009

Тётя Мария

Решётка морщин на лице.
Отпечаток восьми одиночек.

1965

* * *

А. Шмидту

Чувство родины,
которая все-таки есть —
бесконечно длинная пуповина,
тянущаяся за тобой всю жизнь
на пути
из ниоткуда в никуда,
из где нельзя быть
в куда нельзя прибыть,
по грязной дороге
с пожелтевшими фото в дорожной суме...
Сидя на обочине,
порой вынимать их,
гадать
по глазам, по губам
о смысле пережитого.

2013

* * *

Т. С.

Мы спим на постельном белье,
доставшемся нам в наследство,
на котором, как знать,
зачаты и мы, и родители наши.
Мы его не храним в комод
как реликвию или как память,
иль для гостей — на торжественный случай.
Готический шрифт,
завитки монограмм,
листья, стебли, усы, узоры...
Простыни цвета поруки.
Кто знает, куда расползлись,
разбрелись, разбежались
эти побеги...
Ветер гудит за окном,
семена разносит
по пространствам несбывшегося,
где им, непорочным,
вовек уже не прорасти...

2012

II

ЦВЕТ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Большая перемена в марте

Саше Полковниковой

У снега в сиянии полдня
цвет твоих щек.
Как не хочется
в класс на урок!
Проталин черные полосы.
Шумные голоса.
У солнца
твои волосы.
У неба
твои глаза.
И ты сама такая любимая,
такая необъяснимая,
такая невыносимая...
Взять
и снежком в тебя запулить,
чтобы знала, как мучить,
как не любить...
Уже и звонок на урок прозвонил
и сторож скребет крыльцо.
Пригоршнями снега с его перил
Стужу пылающее лицо.

1960

* * *

Я хотел бы быть
всем на свете:
солнцем, тенью твоей,
тополем под твоим окном,
птицей, которая тебя будит,
майским жуком у тебя в волосах,
твоим летним платьем,
ветром, его поднимающим,
подсолнухом,
из которого ты выковыриваешь семечки,
семечком...

1960

* * *

Цвет первой любви,
погибающий от ранних заморозков,
не становящийся плодом.
Набросок иной судьбы,
невоплощенный замысел,
нетленный, как ангел.

2001

Утро

Лишь с твоим появлением в классе
солнце встает.
У твоей кожи цвет утренней свежести,
а у глаз запах сирени.
Бескрайний ландшафт,
просека с пасущейся ланью,
у которой твоя шея.
На лугу у реки
собираются люди
на пикник или семейный праздник.
Я не зван,
но мне слышится смех,
звон бокалов, музыка патефона...
Летают слов твоих птицы,
и у них тоже синие
меня не видящие глаза.

1960

* * *

Моя любовь —
тайна.
Холю ее, как цветок,
защищаю от твоей
стужи.

1960

* * *

Пережить эту зиму!
На дне твоих глаз
одна за другой
замерзают золотые рыбки.
Когда не останется ни одной,
умрет моя боль...
И я стану ждать ледохода.

1960

* * *

Когда с другими ты проходишь мимо,
в обнимку или под руку, весь свет
глядит тебе, мне кажется, вослед
в недоуменьи невообразимом,
как если б обнаружил орхидею
в компании порея иль репея.

1961

* * *

Мне было шестнадцать.
Я дарил ей розы,
но она предпочитала
фиалки засосов,
что оставлял ей на шее
наш учитель рисования.

2001

Письмо

Помнишь парк у реки над обрывом
за руиной церковной стены,
весь разбуженный бурным порывом
до безумия ранней весны...

Колесом по земле солнце катится,
обдавая волнами тепла.
Без пальтишка, в одном легком платице
между луж подсыхавших ты шла.

Ах, как стать не терпелось взрослое,
головою потрянуть, как листвою,
и тебя по цветущей алее
увести навсегда за собой.

Посулила весна и забыла.
Миг всего лишь назад это было.
Эти вязаы и клены и небо над ними,
и на каждом облаке
твое имя.

1962

Воспоминание

Пульс леса,
родник,
громче птиц,
громче листьев,
громче нашего с ней дыхания...
О, как я ревновал
к лапам папоротника,
прикасавшегося к её икрам.

1980

* * *

Ухает филин в сердце моем.
Где ты, жива ли?
Все сроки давно миновали...
Заглохли тропинки,
ведшие в даль к тебе,
спилены клены в парке.
Я стою среди хвоща и крапивы...
Но во мне еще живы
цветы небывших свиданий,
а плоды шиповника на оградах
отражаются каплями крови
в озерах росинок
на остриях шипов.

2001

III

ПРОДЕРЖАТЬСЯ ДО КОНЦА
НОЯБРЯ

* * *

К. С. Фараю

Выбирать
между землею и небом,
между матерью и отцом,
между душою и сердцем,
ощущать чувство вины
уже за то,
что приходится делать выбор...
О как мне понятно отчаянье
Вечного Дезертира,
презревшего пафос праведной брани,
разорвавшего цепи
кровавых обетов
и криводушных посулов,
бросающего ружье в болото,
где оно не достанется
никому!

2013

Ночью

Тяжелый грузовик проезжает мимо окна.
Дрожат
оконные стекла,
голос на пластинке,
моя чашка,
мое сердце.

1992

* * *

Совість солдата чиста.
Присяга — священный родник,
в котором он время от времени
ее омывает, словно
лезвие штык-ножа.

2004

* * *

Ничего не надо слишком,
ни света, ни темноты,
еще более немоты...
Слышишь,
как ночи дышат,
перегруженные, как мосты.

1970

* * *

Мой Бог не требует жертв.
Ваш требует,
с ним и разбирайтесь,
режьте своих баранов,
омывайтесь их кровью!

2010

* * *

Негрустных воспоминаний не бывает.
В них всегда свет поздних сумерек и несбывшихся грез,
и дороги петляют, как реки в тумане.

2008

* * *

Собственная смерть
не представима.
Еще невозможней
себе представить
собственное бессмертие...

2008

**Поселок
заслуженных большевиков**

Потомки их жертв
гуляют среди них без опаски,
как овцы среди каменных львов.

2006

* * *

Состояние счастья —
путешествие по кромке пропасти.
Счастливым с печальными глазами
ведомо это.

2012

* * *

В. Санчуку

Учиться у рыбака
постижению бездны,
постепенно примираясь
с поблескиванием блесны,
с посверкиванием ножа,
с выражением лица рыбака,
когда он привычным движением
вспарывает внутренности
царице глубины,
в один миг превращая ее
в безголовую тушку.

2001

* * *

Неизбежность,
запечатленная на лицах других,
уходящих во тьму,
в непроглядные переулки.
Своего мне не видно.

2008

* * *

Перед моим домом сливаются две реки.
Каждый раз, когда смотрю из окна,
переживаю момент их слияния.
Все вдруг замирает,
словно в каком-то вселенском сомнении...
Но вот крыло ласточки чиркает о волну,
и движение возобновляется.

2003

* * *

Ничто не проходит так быстро,
как чужое несчастье.

2000

* * *

О кричавшие громче всех,
вопрошавшие небо!
Попрятались?
Страшно?

2004

* * *

Ребенок, строящий на морском берегу
песчаный замок с оградами-крепостями,
возводит «твердыни», ставящие предел
бескрайности, бесконечности...
Завтра, придя сюда, увижу лишь гладкий пляж.
Не будет ни этого утра, ни этих волн,
ни ребенка, ни его красивой увядающей мамы.
Будет другое утро, другие волны.

2003

* * *

Г. Погожевой

Последняя роза,
продержавшаяся
до конца ноября...
О этот последний запах
в холодеющем воздухе
у ворот в непостижимое.

2012

* * *

Время жизни,
незамечаемое, беззвучное,
как поседение.
Длится не дольше
перевода взгляда
с одной ладони на другую.

2012

* * *

Мы попали на поле мака,
кричали цикады,
взбирались наверх
по солнечному лучу.
Коса лежала в траве,
отдыхала перед новой работой,
кровью мака лоснилась
кривая сталь.

2005

Кубок

В таллиннской мастерской моего приятеля, скульптора,
на специально изваянной колонне-цоколе стоял
оправленный в бронзу человеческий череп.
По будням его приспособляли как фонарь,
во время пиров использовали как кубок для вина.
Мой широкоскулый друг уверял гостей:
«Это череп тевтонского рыцаря, что подтверждается
его ярко выраженным долихоцефальным строением».
«Вот и все, что осталось от славы тевтонов, —
воскликнул он, не в силах обуздать хихикающей
интонации, — мог ли мечтать мой чухонский предок,
что однажды череп его господина его потомок
наполнит настоящим рейнским вином...».
Кубок переходил из рук в руки, от уст к устам,
безмолвен и терпелив.

2005

Сенокос

Косою острою задет,
бежит по полю коростель.
Кровинок быстрая капля
его неровный метит след.

Еще беды не сознает
он до конца, еще вперед
сквозь боль глаза его глядят,
а вороны уже летят...

Как будто им дано узнать
о всем на свете раньше Бога!
Ему до стога дохромать
осталось, Боже, так немного...

2004

* * *

Лене Железной

Я сидел в читальном зале
и ждал, когда выдадут книги.
От нечего делать глазел
на книжные полки, на люстру,
на красивую библиотекаряшу.
К ней как раз в это время
зашел молодой человек,
и она, негромко смеясь,
что-то шептала ему на ухо.
Мне было нечего делать,
я просто глядел на них,
на книжные полки, на люстру
и ни о чем не думал.
Всего один раз
она бросила взгляд на меня
и наши глаза повстречались,
чему я, клянусь, совсем не придавал значенья.
Лишь возвращаясь домой, подумал:
нет ничего грустнее
счастливого смеха —
не для тебя.

2005

* * *

Поражения
останавливают
победное шествие суеты,
заставляют присесть у огня.

2005

* * *

Охотничий рог на стене,
никогда не дудевший,
никогда не звавший убивать.
Жизнь, прошедшая понапрасну.

2004

* * *

Что мы знаем о горе дрозда,
оплакивающего дроздиху,
которой наш кот перегрыз горло,
что о счастье кота,
возложившего к нашим ногам добычу
и ждущего нашего восхищенья...

2008

* * *

Мы смертные дети бессмертной жизни,
и она, точно зверь, забывает о нас
с каждым новым пометом.

2012

* * *

Собственно, ты безразличен
даже своей могиле.
Посмертная слава есть только
у облаков.

2013

* * *

У смерти перед жизнью
преимущество:
не нужно более ждать
никакой беды.

2013

* * *

В конце концов
с человеком
остаётся один язык.
Даже кровь предаёт,
до капли уходит в землю.
Язык умирает последним.

2005

* * *

Откуда у них эта уверенность,
что вот теперь наконец-то
идут верной дорогой.
Ведь каждый раз забредали
чёрт знает куда...

2009

* * *

Последнее яблоко,
не снятое,
забытое,
слишком высоко забралось,
переоценило себя.
Не досуг лезть за ним,
пусть скворушки поклюют.

2010

* * *

Вокзал. Перрон. Чемоданы.
Толстая проводница.
Наше прощанье.
Там, за пространством фото,
ночь, темнота, бездна...
А здесь светлый день,
твое летнее платье,
завиток у виска,
любовью у вечности
отвоеванное мгновенье...

2010

* * *

День, каких много,
не задерживающийся в памяти,
безразличный ко всему,
что до и после,
вдруг останавливается, медлит,
словно задумывается о своем предназначении...
Вот расширил зрачки,
и маковый свет разливается по его лицу
и светит сквозь сумрак
до самой ночи.

2010

* * *

Сижу на краю заката,
греюсь у его огня.
Он скоро погаснет,
и нет никакой возможности
подбросить даже хвороста.

2009

* * *

Жизнь прошумела, как дождь. Сегодня на рассвете
после бессонной ночи
одинокая звезда показалась последней каплей,
что вот-вот упадет.

2012

* * *

Дремота деревянного городка.
Отсчет времени — от пожара до пожара.

1967

* * *

Т. С.

Рожая детей,
мним себя ближе к Богу.
Детский лик проступает на фоне пейзажа
проявленным снимком
мгновения нашей любви...
Оболочка. За ней
течение вен, необозримые их скитанья.
Никогда не узнаем, куда они утекают,
как превращаются в птиц,
как обретают крылья...

1980

* * *

Т. С.

По утрам твоя голова
поднимается, как солнце,
освобожденное из плена
моей руки.
К ночи,
вкусив свободы,
вновь закатывается
мне под мышку

1982

Heilige Nacht

Озябшие звезды стучатся в окна
с мольбою впустить их в дом.

1989

* * *

T. C.

Сорок пять лет назад
впервые услышал твой голос.
До сих пор он такой же, как прежде,
нисколечко не постарел.
В целом мире один он не постарел.

2007

* * *

Бабочка в гитаре на стене
хочет наружу,
бьется о струны.
Отчаявшись, засыпает.
Плен продлевает ей жизнь —
давно бы сгорела
в пламени
моей лампы.

2006

* * *

Бесмысленно вопрошать
музеи и галереи,
их породила та же суетность.
У края бездны
смотришь в безмолвную даль,
силишься заглянуть
дальше нее,
видишь
одну только землю,
бесконечную землю,
оползни круч,
оголившие гнезда стрижей.

2005

* * *

Имен певчих птиц,
верных моему саду,
я не знаю.
Да и к чему,
коли умею
различать их по голосам.

2001

Рождение

Из тайны небытия
извлекаются избранные —
кому в награду,
кому в наказание.

2009

* * *

Говорят,
неподметенные дорожки сада
означают, что ты не хочешь,
чтобы к тебе приходили в гости.
Некоторые и не догадываются
о причине своего одиночества.

2001

* * *

Снежная даль без следов человека.
Лишь они придают ей смысл,
как буквы — бумаге.
Протопчи тропинку к моему порогу.

2001

* * *

Писать,
чтобы познать себя.

Каждый день — штрих
к собственному портрету.

Во что бы то ни стало
стать на себя похожим.

2004

* * *

Тонкий ледок расстояния
между двумя берегами:
несказанностью
и нескáзанностью.
В первом случае —
немота перед лицом красоты,
во втором —
страх перед пошлостью слова.

2004

Совет

Психотерапевт посоветовал:
заглядывай в радостные лица,
воруй чужие улыбки, чужое счастье.
На утро похмелье,
как от сивухи.

2005

* * *

Жизнь — поезд.
В окно купе
залетают души умерших,
беседы заводят
о смысле пути.
О цели ни слова.
Она известна.

2004

* * *

И камни крошатся.
Шипы цветения
врастают им в сердце.

2004

* * *

Тиканье секундной стрелки
на моем запястье
слышнее ударов пульса.
Неравный брак
богини
со смертным.

2006

* * *

Слоновая кожа
стволов.
Газелья кожа
почек.

2005

На фотовыставке

Обнаженные женщины
с умными печальными глазами,
устремленными лишь на тебя...
Горчащий мёд иллюзии,
не требующей воплощения.

2007

* * *

Все, что течет, поспешает,
оставляет прошедшему
остановившиеся
мгновения...

2010

* * *

В маленьких провинциальных городках среди
покосившихся домов и кривых заборов
спасительно то, что сразу за ними начинается
пространство, состоящее из сплошного неба, и чувство
прекрасного вновь обретает равновесие.

Струнино, 2005

На кладбище

Ах, сколько здесь бабочек!
Этому мальчику с трикотажным сачком
непонятно, почему его бабушка с дедушкой
так долго стоят с печальными лицами
над этой серой плитой
и почему здесь нельзя бегать,
смяться и громко разговаривать.
Зачем же тогда он взял с собою сачок...
Погнаться б сейчас
вон за той голубяшкой,
как раз ее не хватает
в его коллекции.

2005

* * *

Прошел ливень.
Попадали вишни.
Утром налетели дрозды,
склевали их без остатка.
Вопрос,
зачем я выращивал вишни,
на который ответить
не хватило бы целой жизни,
отпал сам собой.

2012

* * *

Сидя в открытом кафе,
подставляя лицо утреннему солнцу
верить, что оно и тебя имеет в виду.
Видишь, оно о тебе уже позаботилось
хотя бы вот этою чашечкой кофе.

2005

* * *

Раздевая женщину,
ощущаешь все свое несовершенство.
Перед таинством происходящего
твои прикосновения
всегда грубы.
Каждый раз
страх разочароваться,
о нет, не в предмете обожания —
в себе самом.

1995

На последнем отрезке пути

Мертвецы выходят к обочине дороги,
зовут в темноту,
к своему костру,
побеседовать по душам.
Но их костер не греет,
я мерзну,
а им хоть бы хны,
им что ветер, что дождь.
Не выходит у нас разговора.

2005

* * *

Друзья умирают
или предают.

2000

Уренгой

Ни на мгновенье не забыть
о том, что топь мгновенья ждет...
По сторонам гнилая зыбь
зеленых вод.

Пальбой и руганью глуша
поганый страх, бредем во мгле.
О, как тоскует здесь душа
по верной, как ковчег, земле!

1975

* * *

У преходящего
язык без костей.
Вечное
косноязычно.

2008

Искатели земного рая

Всегда оказывается,
что на борту, как у Колумба, —
сброд, мародеры
с их собственными представлениями
об обители блаженных.

2002

* * *

Мертвые рыбы
уплывают вместе с теченьем.
О, со сколькими мы
успели уже попрощаться!

1989

* * *

О сколько покоя в этой смене
прилива и отлива,
в этом спасительном поспешании назад.

1994

* * *

Ноябрьское солнце распаляется только к полдню.
Ценить каждый новый день,
прислониться к его крутым перилам,
умудриться не сорваться
в пучину окружающей черноты...

2013

* * *

Против коварства
нет противоядия.
Утешенье в одном:
победив,
оно не знает,
что делать
со своей победой.

2002

* * *

За воротами неизвестность.
Но остаться — никакой возможности.
Здесь сроков не добавляют —
чтобы не совершил.

2008

* * *

Каждый раз,
когда летишь в самолете,
хочется начать новую жизнь.
Но стоит приземлиться,
и ты снова во власти
силы притяжения суеты.

2009

* * *

Полдень. Апогей дня, достигнутый стараниями
трудного утра.
Но эта предательская дрожь в коленках!

1994

* * *

Смерть,
учительница жизни,
чересчур строгая,
чтобы быть любимой,
но умеющая внушать уважение.
Стыдно до смерти
приходить неподготовленным
к ее урокам.

2005

* * *

Хочется опрокинуть их волшебные фонари,
чтобы они увидели перед собой глухую стену.
Но я останавливаю себя.
Хочется крикнуть:
трагедию вы превратили в слезливый фарс,
настоящую драму играют с сухими глазами!
Но я останавливаю себя.
Что могу я дать им взамен, когда вижу,
за какие гроши продается их радость,
на какие мелкие крючки ловится их надежда.
И я останавливаю себя.

1989

* * *

При известии о гибели коллеги
вдруг вспомнил,
как тот на днях огорчился,
обнаружив на автостоянке
царапину на своей машине...

2006

IV

ПЁРЫШКИ НА КАРНИЗЕ

На контрольной

Твои колени цвета подснежников,
исписанные шпаргалками,
которые ты под партой
высоко заголяла,
давая списать теорему...
Голова кружилась,
глаза туманились,
цифры и буквы сливались,
превращались в иероглифы.
Приходилось просить позволения
еще и еще раз
взглянуть на те чертовы знаки,
и ты позволяла
с притворною неохотой.

1962–2011

Музей-квартира

На рукописи поэта
столбиком цифры.
Долги без просвета
или замыслов шифры?

В падающей комете
подсчитанные балансы...
Сдается мне, столбики эти
давно обратились в стансы.

1969

* * *

Блажен, должно быть,
живущий в стране нерожденных.
Никаких претензий на счастье.

2008

* * *

За каждым прекрасным пейзажем
слышится тиканье часовой стрелки.

2004

Венский фиакр

Лошади то и дело останавливаются
в оцепенении: красота.
Столько раз видели эти дворцы,
а всё не привыкнут.
Но кучера кнут тут как тут —
«Пшла-а-а!»
И здесь не обходится без кнута.

1989

* * *

Познать себя!
Отправляясь в плавание,
помни о неизбежности встречи
с самим собою
в открытом море.

2004

* * *

Засуха вполне переносима,
если ее истолковывать
как панегирик
цветенью.

2004

* * *

Два циника рассуждают
о том, что падение морали
ведет общество к гибели.
У них собственная точка отсчета,
оба уверены, что они романтики.

2004

* * *

О многом
может поведать море,
особенно тем,
в ком нет страха
строить на песке.

2009

* * *

Священная месть.
Что тут главное:
Первое или второе?

2009

* * *

Все, обещавшие рай на земле,
творили подобие ада.
Теперь говорят:
оставим рай небесам,
устроим сносную жизнь.
То есть, вместо горения
предлагается тление.

2009

* * *

Оставаться наедине с собой ему не хочется.
Он предпочитает возвращаться в приличном обществе.

2005

Сублимация

Колчан
ядовитых слов.
Собирал их
всю жизнь,
но так и не выстрелил
ни одним.
Вся энергия
ушла
на собирательство.

2012

Возраст поэта

*Кристофу Меккелю
на семидесятилетие*

Стихи — привилегия молодости.
Поэтические идеи с годами
редеют, как волосы.
Не многие доживают лохматыми
до седин.

2005

* * *

На весеннем карнизе окна
мне на прощанье —
пёрышки птиц,
которых кормил зимой.

2012

* * *

Холодное утро в Павловске.
Лебедь — облачко пара
от дыханья пруда.

2005

Повариха на автобане

Небольшого роста, востроносая, шустрая,
за стойкой уже с шести:
«Эти шоферы — славные парни. Я их люблю.
Приходят голодные,
сбрасывают спецовки, словно доспехи,
спрашивают, что сегодня сварила.
Они мне как сыновья, все разные,
каждый в своем роде.
Здесь мне не страшно».

2008

* * *

Обложка книги,
дверь в чужой тебе мир.
Подумай семь раз,
прежде чем открывать.
Не ровен час,
шагнешь из своей пустоты
в чужую.

2012

* * *

Когда в декабре выпадал наконец снег,
душа чувствовала облегчение. Долгие недели
она жила в напряжении. Крышами, карнизами,
тротуарами овладевало беспокойство, как животными
от задержки линьки. Отсутствие снега у нас всегда беда,
как измена или проклятье. Шпаклюя дыры в тротуарах,
заметая черноту неприбранных дворов, снег
примирает души с нищетой и безысходностью.
Месяцы покоя, совершенства. Без снега, без долгих
морозов, консервирующих процессы распада,
мы давно бы пропали. О снег, о бальзам,
о сокол наш белый! Иллюзия, самообман,
но и в горьком похмелье апреля ни о чем
так не будет мечтаться, как о завтрашнем снеге.

1971

* * *

Мир этой литературы за пределом возможностей
моего сознания.
Не знаю, о чем говорить с обитателями
канализационных труб,
на каком языке с ними общаться.

2004

* * *

Пережитые чувства прилетают в ночи посланцами звезд
подобно бабочкам на свет лампы. Пришлывают из глубин
прошлого, словно нимфы. Они из другого мира,
из бессмертного. Соитие с ними нежелательно,
опасно, но всегда есть искушение — породить полубога.

2001

Начало сценария

Дни летнего увядания. Перья птиц на ветвях.
Высокая полнеющая женщина в длинном свободном
платье идет по дорожке сада. Открытая шея и вырез,
она поправляет волосы, завязанные в пучок,
подколотый вверху, сладко потягивается, жмурясь
от лучей, пробивающихся сквозь листву, подставляет
им лицо, ступает на траву, поднимает с земли грушу,
надкусывает, сок течет по ее подбородку, она вытирает
его тыльной стороной ладони, опускает веки,
закидывает назад голову и, отдаваясь истоме,
медленно облизывает губы...

2009

Картинка в пути

Остановка поезда на полустанке. Молодые женщины,
лимита, сидят под солнцем на шпалах у полотна дороги,
едят консервы, запивают кефиром, курят. Потом снова
орудуют ломami и кувалдами. С высоты вагонной
площадки я мысленно их раздеваю, не стесняясь
присутствия бригадира, хмуро наблюдающего
за их работой, представляю себе, как вон у той,
чернобровой, по спине под спецовкой стекают теплые
струйки пота... Женщины мне подмигивают, отпускают
соленые шутки, хохочут. Поезд трогается, на минуту они
расправляют спины и уже без улыбки смотрят ему вслед.

1966

* * *

Как мы горды своей безнадежностью. Упиваемся, наслаждаемся своим якобы стоицизмом, почтенным возрастом своего бесправия, демонстрируем свои кандалы и цепи, стены своего заточения. Ассоциируем духовность с обреченностью, поэтому страшимся свободы и света — как царства бесцельности и пустоты.

1982

* * *

Вой вьюги, в нём что-то сатанинское, абсолютно уверенное в своем всеилии.
Чем больше оттепелей зимой, тем злючей метели.
Жизнь сжалась в комочек, но в самой своей сердцевинке она еще не остыла.

1984

* * *

Опьянение жизнью, наслаждение ею, но одновременно и печаль обо всем, что доставляет радость, необъяснимая смесь ощущений, основа которой — догадка, что всё преходяще. Печаль глубже радости, потому что подсознательна. Но и она никогда не проникает так глубоко и не поднимается так высоко, чтобы проникнуть в тайну, она тоже способна достигнуть лишь предпоследней ступеньки.

2010

* * *

Родное вечное лето, все чаще в него залетает осенний ветер, оставляет свои листья, а сентябрь стал и вовсе бесцеремонен, врывается даже в мой священный июнь...

2013

На пляже

Горячий ветер развязал поясok на ее халате. Халат был шелковым и не ощущался телом. И всем вокруг предстала ее нагота. Муж и ее маленькие дети не торопились сообщить ей об этом, глядели на нее с восхищением и гордостью. Она стояла лицом к морю со слегка откинутой назад головой, подставив лицо утренним солнечным лучам. Халат то вздымался над ее головой, то обвивал ее стан, и было ясно, что она этого не замечает. Но вот она спохватывается, смущенно озирается и, недовольная собой, раздраженная своей оплошностью, суетливо запахивается в халат. Губы ее сварливо сжимаются, и она превращается в обыкновенную тетку.

1990

Мама

Всю жизнь безустанно боролась с пылью,
словно этим хотела
удержать само время.
Состарившаяся,
с волосами седыми, как пыль,
присевшая с тряпкой в руке отдохнуть от работы,
удивляется: Боже,
откуда только она берется!

1987

Дом у Москвы-реки

А. Гелескулу

Июльская ночь. Душно, беззвездно.
От реки ни дуновения.
Закрываю окна, чтобы не слышать
плача из окон напротив.
Пытаюсь читать, закрыв ладонями уши.
Но чем сильнее их сжимаю,
тем громче плач.
И вдруг он обрывается.
Невыносимая тишина.
Выключаю свет, выхожу на балкон.
Липкая вязкая тьма смотрит на меня,
словно я его задушил, этот голос...

1991

V

VERWANDLUNGEN

(ПРЕВРАЩЕНИЯ)



Из Гёте

Если б всему, что пленяет, влечет, утоляет, живит,
Краскам цветов и плодов, небу, земле пожелал я
Имя единое дать — иного, как твоего,
Шакунтала, я не сыскал бы, и этим сказано все...

2002

Тост

(Из Карла Микеля¹)

Я не ослышался? Передо мной на экране
испанец вслух говорит о том, о чем я недавно
сказал доверительно другу. Как будто я думал
его головой, а он моей... Удивленно
смотрю на экран, в бокал вино наливаю
и восклицаю: Sulte! — Ваше здоровье!
Нас больше, чем это кажется.

¹ Карл Микель (1935–2000) — немецкий поэт и драматург, жил в ГДР.

В духе Ивана Голля¹

* * *

Музыка веющая как ветер
меж временем и пространством
быки истлевают
кактусы засыхают
боги низвергаются
остаются амфоры и музыка моря

* * *

Я вылепил тебя как амфору
могу делать с ней
что захочу
вливать вино любви
масло нежности
свежую воду надежды
или морю отдать
бросив на берегу

* * *

Во мраке моей кроны
Твое светлое пенье

* * *

Ты кромка моря
я прилив
тебя созидающий
отлив
тебя пожирающий
у меня львиные повадки
и звездная кровь

* * *

Женщины подобны
почкам кофейного дерева
дремлющего месяцами
в ожидании дождя
всегда готовые к его визиту
чтобы вмиг расцвести

* * *

Жрица лета
каждый день ты срезаешь розы
заменяешь их в вазе
до того как они увянут
О как ты не любишь
все что не лето
все что не роза

* * *

Печальная вдова у ночного окна
от скуки пытается подсчитать
во сколько обходится керосин
этой праздной горящей всю ночь луне

¹ Иван Голль (1891–1950) — поэт, прозаик и драматург. Писал на немецком и французском.

* * *

Бесплезное занятие
обрезать крылья
подрастающему ангелу
они вырастут вновь
ибо зачем Богу
бескрылые ангелы

2008–2012

A la Ганс Арп¹

Мне так бы однажды хотелось
себе самому повстречаться
и, простите за смелость,
с самим с собой пообщаться.
У меня к себе накопилось
столько вопросов,
но говорящий со мной —
это вечно кто-то иной,
а подлинный я
далеко, высоко
в какой-то мифической дали...
Словом, если меня не найдете
в альманахе или журнале,
ищите на горной дороге
где-нибудь между Мцхетою и Жинвали.

2011

¹ Ганс Арп (1886–1966) — немецкий скульптор и поэт.

ИЗ БРЕХТА

* * *

Когда я под утро проснулся
в белой больничной палате
и голос дрозда услышал,
я понял, что я ещё жив.
Страх смерти уже давно
покинул меня — ведь если
нет больше меня, чего же
мне может не доставать...
И вот мне выпала радость
услышать, как дрозд распевает
в мире, где нет меня.

Песня любящей

Когда мне с тобой хорошо,
Я думаю часто:
Умри я сейчас,
Я б до конца своего
Осталась счастливой.

Когда ты состаришься,
И станешь меня вспоминать,
Я буду выглядеть, как сегодня,
И у тебя будет милая,
Еще молодая.

* * *

У куста семь роз. Он шесть
Ветру обещал.
А одна в запасе есть,
Чтобы я сорвал.
Буду звать семь раз, ты знай,
Буду ждать шесть раз,
Но в седьмой раз — обещай,
Что придешь тотчас.

Рисунок тушью

(На мотив Иоганнеса Бобровского¹)

Чтобы днем быть капельку молчаливей,
чтобы легкую поступь иметь и понимать,
что у края поля должно остановиться,
научись созерцать китайский пейзаж:

Над засохшей ветвью
колышется черенок. На нем
пробивается нечто вроде листочка,
он дрожит над собственной тенью
под ветром, пахнущим солью близких сумерек,
кажется маленькой детской ладошкой...
И громче всех говорит
о бездонности
его окружающей тишины.

¹ Иоганнес Бобровский (1917–1965) — немецкий поэт и прозаик.

Мемориал

(Из Иоганнеса Бобровского)

Город¹, черная груда щебня
у черты горизонта. Считаю грозы
над ним. Завтра пойду, зарю могилу,
что брошена всеми, как этот город,
настолько разрушенный, что его
стороной облетают птицы.
У края дороги дерево.
Оно делится со мною
Своей листвой.

¹ Скорее всего, Кенигсберг.

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК

(Из наследия)

Он погиб под Можайском

Он погиб под Можайском. Ночью.
Все вокруг было белым от стужи и снега.
И как только он умер, он был скован морозом,
сразу, как только умер.
Оледеневший, тяжелый,
он в снег уходил беззвучно,
каждый день понемногу
все глубже,
а снег все сыпал и сыпал...
Часы на его руке прожили на день дольше,
остановились равно в семь тридцать,
и было все так же бело на равнине
в декабре, в январе, в феврале,
и беззвучно над ним скользили
по трехметровому снегу
лыжи врагов в направлении Смоленска...

Потом зарядили метели, и март наступил,
и повеяло теплым ветром, и расплавился снег
и он всплыл из белой своей могилы,
и, скатившись с остатков сугроба, словно с грязного облака,
в первый раз коснулся земли.

А снег все таял и таял,
и раны его открылись,
и начали кровоточить,
не сильно, как если бы он лишь сейчас
стал действительно умирать...

Он спал на лугу.

Рядом винтовка и шлем.

Он жил теперь жизнью призрака,
рос, распухал, шевелился,
словно во сне беспокойном
еще раз увидел последний бой.
Иногда он вскидывал руку с жирной лоснящейся кожей,
черные губы дрожали,
а из нутра вырывался стон зловонного тления...
Но вскоре он все же умер третьей своею смертью,
и скукожился весь в жалкой своей одежде,
и прижался к земле,
и лицо его было покойным и отрешенным.

А в недрах земли под ним зарождался таинственный
шум весны.
Поле боя в луг превращалось, воды текли, корни крепили,
напирали ростки растений, пробивали
твердую корку земли,
но сквозь размякшую ткань шинели прокнуться
не смогли.

Пытались его приподнять,
но было темно под шинелью,
и они задохнулись и умерли вместе с ним,
а повсюду вокруг цвели подснежники и анемоны.

Началась жизнь червей и жучков,
Они были подобно лисицам, пред которыми вдруг возник
из тающих льдов мамонт — пища на целую жизнь...
Горный рудник мяса.

И земля начала вбирать
в себя Иоганна Шмидта из 3-ей роты 152-го полка,
так он понемногу переселялся к корням,
дикие кролики прыгали через него,
восседали бабочки на зубах,
совы ночью над ним летали...

Никто его не нашел.

Маленький круглый железный жетон —
все что от него осталось —
был найден в 2022 году,
когда на этом месте строили спортплощадку
для слепых детей, а до того
здесь стоял дом и люди в нем жили и умирали.
Рабочие выбросили жетон,
потому что для них он был только ржавой железкой.

Два года понадобилось на то,
чтобы он исчез навсегда,
он был последним из павших,
семь других залегали глубже и истлели несколько раньше.
Лишь череп какое-то время еще парил над землей,
ростки юной вишни проросли сквозь его глаза,
и вишня его подняла вместе с собою ввысь,
и когда расцвела,
череп глядел сквозь цветущие ветви в небо,
череп без подбородка,
что отвалился и лежал на земле отдельно..

Какое-то время в Гиссене
о нем горевали, но вскоре
забыли о нем, потому что
настали тяжелые времена.
Лишь мать иногда говорила,
что ему повезло не дожить
до жизни, наставшей после...
Но это она только так говорила,
она, его пережившая
на семь лет.

VI

ПЛЕСК ВЕСЛА

In memoriam Natalie

За мгновение до твоей гибели

Ветер июльский правит сегодняшним днем.
Даже когти орла тупеют от его дуновенья.
Покуда он веет, ни с кем
не случится плохого.
Лишь порою он мешкает,
запутавшись
в придорожном чертополохе.

1995

* * *

Телеграмму принес не жаворонок, не голубь,
молодой почтальон с безразличным лицом ангела,
сообщил, что тебя на земле больше нет.

1995

* * *

Смерть больше не метафора.
Время вызрело горем.
Счастливые могут кормиться
беспощадностью его плодов.

1995

Четырехлетней дочке

О как простодушна твоя нагота
перед пастью рычащей стихии!
Тебя не страшит ни волны высота,
ни ветра налеты лихие.

Огромное небо, вода и гранит.
Косички упрямый рогалик.
Лучом пронзено, твоё тельце горит,
прозрачное, словно хрусталик.

И чайки в волненье горланят с утра,
и бухточка, будто подкова.
Когда бы я мог перед Богом Добра
замолвить хоть слово, хоть слово!

Судак, 1976

* * *

Наташе

Слёзы — линзы.
Они помогают
за горем увидеть
поле
с тропинкой,
ведущей вдаль.

1988

* * *

В одно мгновение все стало прошлым.
Что было и есть, и будет...
Шорох ветоши
на сквозняке руин.

1995

Колокол в Вайце

Колокол,
созывавший на твою свадьбу,
плачет о твоей гибели.
У него
широченное сердце,
всё привечающее,
всё принимающее,
не отличающее
земли от неба,
радости от боли,
колыбели от гроба.

1995

* * *

Первый шаг утром
после пробуждения.
Неизвестно, куда приведет он.
Если б я мог сказать:
«в неизвестное» —
то был бы уже спасен...

1995

* * *

Ольге Татариновой

То,
что было всего лишь словом,
стало вдруг осязаемым,
обросло плотью.
Я и не ведал, что смерть
существо такое живое,
такое близкое и родное.

1995

* * *

Та ночь,
в которую ты была зачата
землетрясением нашей любви,
чьи сейсмические круги
не хотели тебя выпускать
за свои пределы,
та ночь возвратилась,
и тебя забрала.
Лишь ей известно,
зачем...

1995

* * *

Хожу по ледяным, по снежным полям июля
и не могу понять,
как люди не видят того,
что я вижу.
Но если они так слепы,
как не ощущают этой чудовищной стужи.

1995

* * *

Бог извлёк тебя
из глухоты вечности,
как розу,
на мгновение...
Когда оно подошло к концу,
прилетело облако,
тебя забрало назад.

1995

* * *

Ты летела на свет маяка,
одной тебе видимый
в целой вселенной,
а разбилась
о стекло
уличного фонаря.

1995

* * *

Ты глядишь оттуда в наш мир,
как ночью в окно своей освещенной комнаты,
в которой все твое,
но нет тебя,
и лишь ты одна
в состоянии себе представить,
что тебя может не быть.

1995

* * *

Мне говорят:
время
залечит и эту рану.
Где же взять его
столько?

1995

* * *

Мартину

Скорбь по любимым
подобна бесконечной тёмной аллее,
становящейся всё
светлей,
по крайней мере настолько,
чтобы различать
лица идущих навстречу.

1996

Изгнание

Я жил в доме счастья.
Думал,
что это и мой дом тоже.
Изгнанный,
живу в доме горя.
Из него меня
уже никто не попросит.

1996

* * *

Пока я живу,
ты будешь воскресать и вновь умирать в моем отчаянии,
и птицы станут прилетать и кружить над домом,
и вновь улетать, и ветер будет веять в комнатах
и гасить траурные свечи,
и время праздника твоего воскресения
будет длиться вечно...

1996

* * *

Всплеск твоих вёсел затихает вдали...
Так тихо вокруг,
что слышно,
как падают капли
с вёсел.
Словно ты где-то
остановилась
и дожидаясь...

1996

* * *

Вечность приплыла в старом челне,
пошла по дворам с корзинкой.
Нас не спрося,
забрала тебя,
жестокая,
присваивающая всё,
что ей приглянется.

1996

* * *

Не утешает мысль,
что ты, подобно волне,
себя по капельке раздала
и сверкаешь в тысячах новых волн.
Что мне в том, если я не могу отличить
одну от другой?

1996

* * *

Стрекозы твоих неисполненных желаний
парят надо мной,
над головой у меня застывают,
блестками с крылышек осыпаются
на мою оставшуюся жизнь,
на все ее недалёкие некрутые дороги.

1997

После тебя

Жизнь прожита неведомо когда,
неведомо зачем и где, и как...
Журчит в тумане темная вода,
стада бредут, и зацветает мак.

Я жив еще, коль слышу голоса
на том недостижимом берегу...
А где-то рядом мерный плеск весла,
и кажется, что это я гребу.

Печаль моя вне притяженья сил
добра и зла, и славы, и вины.
И кто простил меня и не простил,
все мною безнадежно прощены.

Тот шум, тот сон, тот радостный угар,
далёкие, как лунных вод прибор...
И непонятно, то ль мне это в дар,
то ль в наказание послано судьбой —

остаток дней прожить ни в чьем краю,
где солнце светит, но часы стоят,
как будто пережил я смерть свою
и, возвращаясь, не добрёл назад.

10.11.1997

* * *

Биргит,
продавщица цветочного магазина,
та самая, что плела твой подвенечный венок,
бережно отбирает лилии на твою могилу...
Я медлю,
мне не хочется уходить,
копаюсь в кошельке, в карманах,
жду чего-то,
какого-то чуда,
каких-то неведомых слов...
И она что-то доброе мне говорит,
тем же голосом,
что и всем другим,
кто к ней приходит
со своими счастьем и горем.

1998

* * *

Когда бы ты задержалась,
всего на секунду,
за завтраком... или
перед зеркалом в холле...
Почему Он, владеющий вечностью,
пожалел для тебя мгновенья?

1995

* * *

Кладбище, где ты лежишь,
однажды тоже умрёт.
Тяжёлые плиты
пойдут на другие надгробья.
Их будут
шлифовать до тех пор,
пока они не превратятся
в пылинки,
живущие в луче.

1997

* * *

Все часы,
шедшие правильно и неправильно,
показали время твоей смерти
одновременно.

1995

* * *

Насыщенная пустота горя.
Все помещается в ее пространстве,
открывающемся
за порогом боли.

1996

Непрошенный гость

Кристофу Меккелю

Горе,
непрошенный гость.
У меня для него
нет времени ни минуты.
А он говорит, что пришел,
чтобы здесь навсегда поселиться,
и что я, мол, его не стесню.

1995

* * *

Вчера мне снилось,
что ты еще не родилась,
что всё в твоей жизни было
моею грезой...
Всё, кроме твоей смерти.

2000

* * *

Тебе уже не соединить воображенье юности с разумом
седины. Ты познала лишь утренний воздух и синеву
полдня. Завеса неба не падала пред тобою, и тебе
не было суждено заглянуть в темные глубины горя.
Даже свет звезд ты успела воспринять лишь как свет
счастливой загадочности, а не тревоги, луну как ангела
тишины. Ты уже никогда не станешь желтой старухой,
не будешь хранить на чердаке старые газеты и слушать
звук поезда на переезде у дачи, никогда не узнаешь,
что такое одиночество или что это значит — провожать
самых близких в последний путь, не изведешь
ни болезней, ни усталости от жизни, ни собственного
очерствения, никогда не поймешь, насколько обделена...

1995

* * *

Вспоминаю тебя летом каким не помню все счастливые
лета смешались в одно в саду много вишен несметно
много он весь до краев залит их кровью сквозь ветви
твой смех щеки измазаны красным пальцы тоже
в крови словно ты поранилась не беда говорю я тебе
до свадьбы заживет а кровь льется и льется
и ты такая незрелая среди этих созревших вишен
выплываешь косточки а губы пунцовы пурпурны
багровы искусанные счастьем губы

1996

* * *

Последние дни дачного лета, когда сад пропах смородиной
и так не хочется уезжать. Ты вставала поздно, у меня
на сердце было покойно и так хорошо от мысли,
что я тебя берегу. Ты выпархивала из дома, как бабочка,
я не знал тогда, что ты и есть бабочка, чей век
так недолог, и ты скоро исчезнешь в солнечной мгле.
Я не знал тогда, что наш дом — у края земли,
совсем рядом с небом: и пешком дойдёшь, и на лодке
доплывёшь, — так близко, что мы отражаемся в нем...

1997

* * *

А. Казанской

Каждый день просыпаюсь от боли
с надеждой,
что боль не моя,
а чужая...
Мне стыдно,
мне страшно,
но боль надежды
сильней стыда и страха.

1999

* * *

Время — наркотик, не лечит,
лишь притупляет боль утраты.
Приходится постоянно
увеличивать дозу.

2010

* * *

Неволя горя.
Пожизненный срок
без надежды на помилование.

2010

* * *

Со временем горе
начинает светиться, как мрак,
к которому привыкаешь.

2000

* * *

Никто не умеет
так меня утешать,
как моя погибшая дочь.

2013

Сон

Ложусь на землю рядом с твоей могилой, рассказываю тебе на ухо сказку. Длинную сказку, но и она подходит к концу. Скоро свадьба. Куда ты так торопишься, говоришь ты мне, ведь у нас так много времени, так много времени...

1995

* * *

В том, что я родился, нет никакой закономерности. Случайность, находка или ошибка природы... Почему же тогда так бесстрашно ищущи смысл в твоей гибели?

1996

* * *

Ночью мне снились твои нерожденные дети.

2012

* * *

Все еще ищущи тебя на здешних дорогах, нахожу твой след, иду по нему, но его обрывают моря, пропасти, скалы, и тогда мой взор устремляется к небу к его нехоженным тропам.

2012

* * *

Твоя жизнь предо мной — картина, которую я рисовал, но обрамила чья-то чужая рука...

2008

* * *

Кладбище ухоженное, как квартира. Кошки на надгробиях, как на подоконниках.

2001

В лунном свете

Душа — пейзаж с чертополохом.
Голубоватое серебро стеблей,
высушенных бесконечностью,
медленным огнем
ее далёких голосов...
Дни прошлого,
теперь они не боятся
ни зноя, ни стужи.

1998

* * *

Вынести невыносимое горе —
пройти
через бескрайнюю пустыню
без каких-либо шансов выжить,
чтобы после
на окраине оазиса
денно и ночью
слушать дыхание
пустоты...

2006

* * *

Возвращение к жизни из комы горя,
путь из бесконечно темного ущелья к свету.
Мы все ближе к нему,
и небо все шире,
и дорога все бесконечней.

2000

СОДЕРЖАНИЕ

I. ТАМ В ГЛУБИНЕ РОССИИ

«Там, в глубине России...»	7
«Старое фото в семейном альбоме...»	8
Улицы детства	9
«Помню в раннем детстве свою замороженность...»	10
Изгнанники	11
«Мне восемь лет...»	11
«Подорожник, волшебник...»	12
«Лежа на просеке посреди земляники...»	12
«Школьные дневники с плохими отметками...»	13
Ледоход	13
«О, оркестры моего детства!..»	14
«Свобода...»	14
«Карты мест...»	15
«Всюду, куда не пойдёшь...»	15
«Черный ворон приехал...»	16
Военная подготовка	17
«Когда мы играли в войну...»	18
«После войны...»	19
Отчий дом	20
Кладбище	21
«Шахтерский поселок...»	22
Могилы отцов	23
«Перелетная птица, не нужная...»	23
«Казахстан. Начало 90-х...»	24
«Лишь с возрастом...»	24
«День за днем...»	25
«В снегу на дороге...»	25
Тётя Мария	26
У трех дорог	26
«Чувство родины...»	27
«Мы спим на постельном белье...»	28

II. ЦВЕТ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Большая перемена в марте	31
«Я хотел бы быть...»	32
«Цвет первой любви...»	32
Утро	33
«Моя любовь...»	33
«Пережить эту зиму!..»	34
«Когда с другими ты проходишь мимо...»	34
«Мне было шестнадцать...»	34
Письмо	35
Воспоминание	36
«Ухает филин в сердце моем...»	36

III. ПРОДЕРЖАТЬСЯ ДО КОНЦА НОЯБРЯ

«Выбирать между землею и небом...»	39
Ночь	40
«Совість солдата чиста...»	40
«Ничего не надо слишком...»	41
«Мой Бог не требует жертв...»	41
«Негрустных воспоминаний не бывает...»	42
«Собственная смерть...»	43
Поселок заслуженных большевиков	44
«Состояние счастья...»	45
«Учиться у рыбака...»	46
«Неизбежность, запечатленная на лицах других...»	46
«Перед моим домом сливаются две реки...»	47
«Ничто не проходит так быстро...»	47
«О кричавшие громче всех...»	47
«Ребенок, строящий на морском берегу...»	48
«Последняя роза...»	48
«Время жизни...»	49
«Мы попали на поле мака...»	49
Кубок	50
Сенокос	51
«Я сидел в читальном зале...»	52
«Поражения...»	53
«Охотничий рог на стене...»	53
«Что мы знаем о горе дрозда...»	54

«Мы смертные дети бессмертной жизни...»	54
«Собственно, ты безразличен...»	55
«У смерти перед жизнью...»	55
«В конце концов...»	56
«Откуда у них эта уверенность...»	56
«Последнее яблоко...»	56
«Вокзал. Перрон. Чемоданы...»	57
«День, каких много...»	57
«Сижу на краю заката...»	58
«Жизнь прошумела, как дождь...»	58
«Дремота деревянного городка...»	58
«Рожая детей...»	59
«По утрам твоя голова...»	59
Heilige Nacht	60
«Сорок пять лет назад...»	60
«Бабочка в гитаре на стене...»	60
«Бессмысленно вопрошать...»	61
«Имен певчих птиц...»	61
Рождение	62
«Говорят, не подметенные дорожки сада...»	62
«Снежная даль без следов человека...»	62
«Писать, чтобы познать себя...»	63
«Тонкий ледок расстояния...»	63
Совет	64
«Жизнь — поезд...»	64
«И камни крошатся...»	65
«Тиканье секундной стрелки...»	65
«Слоновая кожа стволов...»	65
На фотовыставке	66
«Все, что течет, поспешает...»	66
«В маленьких провинциальных городах...»	66
На кладбище	67
«Прошел ливень...»	67
«Сидя в открытом кафе...»	68
«Раздевая женщину...»	68
На последнем отрезке пути	69
«Друзья умирают...»	69
Уренгой	70
«У преходящего язык без костей...»	70
Искатели земного рая	71
«Мертвые рыбы...»	71
«О сколько покоя в этой смене...»	71

«Ноябрьское солнце распяется только к полдню...»	72
«Против коварства...»	72
«За воротами неизвестность...»	72
«Каждый раз, когда летишь в самолете...»	73
«Полдень. Апогей дня...»	73
«Смерть, учительница жизни...»	73
«Хочется опрокинуть их волшебные фонари...»	74
«При известии о гибели коллеги...»	74

IV. ПЁРЫШКИ НА КАРНИЗЕ

На контрольной	77
Музей-квартира	78
«Блажен, должно быть...»	79
«За каждым прекрасным пейзажем...»	80
Венский фиакр	81
«Познать себя!..»	81
«Засуха вполне переносима...»	82
«Два циника рассуждают...»	82
«О многом может поведать море...»	82
«Священная месть...»	83
«Все, обещавшие рай на земле...»	83
«Оставаться наедине с собой...»	83
Сублимация	84
Возраст поэта	85
«На весеннем карнизе окна...»	86
«Холодное утро в Павловске...»	86
Повариха на автобане	87
«Обложка книги...»	87
«Когда в декабре выпал наконец снег...»	88
«Мир этой литературы...»	89
«Пережитые чувства прилетают в ночи...»	89
Начало сценария	90
Картинка в пути	91
«Как мы горды своей безнадежностью...»	92
«Вой вьюги, в нём что-то сатанинское...»	92
«Опьянение жизнью, наслаждение ею...»	93
«Родное вечное лето...»	93
На пляже	94
Мама	95
Дом у Москвы-реки	96

V. VERWANDLUNGEN (ПРЕВРАЩЕНИЯ)

Из Гёте.....	99
Тост (из Карла Микеля)	99
В духе Ивана Голля	
«Музыка веющая как ветер...»	100
«Я вылепил тебя как амфору...»	100
«Во мраке моей кроны...»	100
«Ты кромка моря...»	101
«Женщины подобны...»	101
«Жрица лета...»	101
«Печальная вдова у ночного окна...»	101
«Бесполезное занятие...»	102
A la Ганс Арп	103
Из Брехта	
«Когда я под утро проснулся...»	104
Песня любящей	104
«У куста семь роз...»	105
Рисунок тушью (на мотив Иоганнеса Бобровского)	106
Мемориал (из Иоганнеса Бобровского)	107
Эрих Мария Ремарк	
Он погиб под Можайском	108

VI. ПЛЕСК ВЕСЛА

За мгновение до твоей гибели	113
«Телеграмму принес не жаворонок, не голубь...»	113
«Смерть больше не метафора...»	114
Четырехлетней дочке	115
«Слёзы — линзы...»	116
«В одно мгновение все стало прошлым...»	116
Колокол в Вайце	117
«Первый шаг утром ...»	117
«То, что было всего лишь словом...»	118
«Та ночь, в которую ты была зачата...»	118
«Хожу по ледяным, по снежным полям июля...»	119

«Бог извлёк тебя...»	119
«Ты летела на свет маяка...»	120
«Ты глядишь оттуда в наш мир...»	120
«Мне говорят: время...»	121
«Скорбь по любимым...»	121
Изгнание	122
«Пока я живу...»	122
«Всплеск твоих вёсел затихает вдали...»	123
«Вечность приплыла в старом челне...»	123
«Не утешает мысль...»	124
«Стрекозы твоих неисполненных желаний...»	124
После тебя	125
«Биргит, продавщица цветочного магазина...»	126
«Когда бы ты задержалась...»	126
«Кладбище, где ты лежишь...»	127
«Все часы, шедшие правильно и неправильно...»	127
«Насыщенная пустота горя...»	127
Непрощеный гость	128
«Вчера мне снилось...»	128
«Тебе уже не соединить	129
«Вспоминаю тебя летом...»	130
«Последние дни дачного лета...»	131
«Каждый день просыпаюсь от боли...»	132
«Время — наркотик, не лечит...»	132
«Неволя горя...»	133
«Со временем горе...»	133
«Никто не умеет...»	133
Сон	134
«В том, что я родился, нет никакой закономерности...»	134
«Ночью мне снились...»	134
«Все еще ищу тебя на здешних дорогах...»	135
«Твоя жизнь предо мной...»	135
«Кладбище ухоженное, как квартира...»	135
В лунном свете.....	136
«Вынести невыносимое горе...»	136
«Возвращение к жизни из комы горя...»	137

Вальдемар Вебер

ПРОДЕРЖАТЬСЯ ДО КОНЦА НОЯБРЯ

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта Вадим Месяц
Главный редактор серии Андрей Тавров
Макет и верстка Борис Марковский
Обложка Иван Граве

«Русский Гулливер»
тел. +7 495 159-00-59
www.gulliverus.ru
russian_gulliver@mail.ru

Подписано к печати 24.02.2014. Формат 84x108 1/32.
Бумага офсетная. Гарнитура Georgia.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Cherry Pie»
112114, г, Москва,
2-й Кожевниковский пер.,12